

Шириня Анастасия Артемовна, Магистрант,
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Аннотация. В статье анализируется категория правосубъектности юридического лица в контексте реформирования ГК РФ. Автор рассматривает соотношение правоспособности и дееспособности, проблемы реализации воли организации через её органы и влияние принципа добросовестности на правовой статус субъекта. Особое внимание уделено критике статьи 49 ГК РФ и вызовам цифровизации.

Ключевые слова: Юридическое лицо, правосубъектность, гражданское право, органы управления, правоспособность, добросовестность.

Вопрос о том, что именно представляет собой юридическое лицо – удобную юридическую фикцию или реальный социальный организм – давно перестал быть предметом одних лишь академических дискуссий. В современных реалиях правосубъектность организации становится ключевым инструментом экономического оборота, и от того, насколько четко прописаны её границы в законе, зависит стабильность рынка. Сейчас мы наблюдаем, как классические представления о субъекте права сталкиваются с новыми вызовами: от цифровизации до расширения ответственности контролирующих лиц.

Правосубъектность традиционно рассматривается как синтетическая категория, объединяющая правоспособность и дееспособность. Примечательно, что для граждан эти понятия могут быть разделены во времени, однако в отношении юридических лиц они возникают одновременно, в момент внесения записи в ЕГРЮЛ. На первый взгляд, здесь всё прозрачно. Но если копнуть глубже, возникает серьезная проблема: как именно организация «проявляет» свою волю?

В российской цивилистике долгое время доминировала теория «органа юридического лица», согласно которой действия директора – это действия самой организации, а не её представителя. Это принципиальный момент. Если мы признаем директора частью «тела» компании, то любые его ошибки или злоупотребления становятся деликтами самой компании. Важно понимать, что статьи 53 и 53.1 ГК РФ пытаются сбалансировать этот механизм, вводя критерии добросовестности и разумности. Однако на практике суды часто спотыкаются о вопрос: где заканчивается воля организации и начинается личный интерес руководителя?

Особое внимание стоит уделить статье 49 ГК РФ. Она устанавливает правила о правоспособности, и здесь кроется один из самых спорных моментов. Закон декларирует, что коммерческие организации обладают универсальной правоспособностью. Они могут заниматься любым видом деятельности, который не запрещен. Но тут же закон позволяет ограничивать эту свободу через устав. Возникает резонный вопрос: насколько такие внутренние «заборы» должны волновать внешних контрагентов?

Сейчас сложилась ситуация, когда недобросовестные компании пытаются оспорить собственные сделки, ссылаясь на то, что их директор вышел за пределы уставных целей. Это создает хаос. Мы убеждены, что любые ограничения правоспособности, зафиксированные в учредительных документах, должны иметь значение только для внутренних отношений внутри корпорации. Для внешнего мира организация должна быть «всемогущей» в рамках закона, если только её контрагент не действовал заведомо недобросовестно. Этот подход защищает стабильность гражданского оборота, не позволяя использовать устав как лазейку для ухода от обязательств [3, с. 82].

Еще один пласт проблем связан с так называемой межотраслевой правосубъектностью. Юридическое лицо – это не только субъект гражданских прав, но и налогоплательщик, работодатель, а иногда и субъект административной ответственности. Нередко нормы разных отраслей вступают в конфликт. Например, гражданское право признает сделку действительной, а налоговое – считает её ничтожной с точки зрения получения выгоды. Такое расслоение правосубъектности вредит правопорядку. Важно, чтобы частноправовой статус организации был первичным и уважался в публичных правоотношениях.

Нельзя игнорировать и влияние цифровых технологий. Электронная регистрация, использование машиночитаемых доверенностей и даже попытки внедрить алгоритмы искусственного интеллекта в систему корпоративного управления меняют саму суть дееспособности. Если решение о совершении сделки принимает алгоритм, чья это воля? Пока закон не дает прямого ответа, но очевидно, что правосубъектность будет смещаться в сторону еще большей формализации.

Подводя итог анализу ответственности, нельзя не упомянуть доктрину «срывания корпоративной вуали». Правосубъектность юридического лица предполагает имущественную обособленность. Это база. Однако, когда эта обособленность используется для обмана кредиторов, суды вправе «игнорировать» юридическое лицо и обращаться напрямую к его бенефициарам. В России этот институт активно развивается через механизмы субсидиарной ответственности в банкротстве. Примечательно, что здесь правосубъектность организации как бы временно аннулируется в интересах справедливости [7, с. 114].

Стоит отметить, что современное законодательство требует уточнения критериев специальной правоспособности для некоммерческих организаций. Зачастую они вынуждены заниматься квазикommerческой деятельностью для выживания, что ставит их в «серую зону». Необходим более гибкий подход, который бы позволял учитывать реальные цели создания субъекта, не создавая при этом лишних барьеров.

Завершая исследование, важно подчеркнуть: правосубъектность юридического лица – это не статичная привилегия, полученная от государства. Это динамическое состояние. Оно требует постоянного подтверждения через добросовестное поведение в обороте. Законодателю следует двигаться по пути минимизации внутренних ограничений правоспособности для третьих лиц и одновременного усиления персональной ответственности тех, кто формирует волю юридического лица. Только такой баланс позволит сохранить доверие к институту организации как к самостоятельному участнику правовой жизни общества.

Возможные перспективы дальнейших исследований видятся в изучении статуса филиалов и представительств, которые, не обладая статусом юридического лица, фактически проявляют элементы правосубъектности в трудовых и налоговых отношениях. Этот парадокс еще ждет своего разрешения в доктрине.

Список литературы:

1. Братусь С. Н. Субъекты гражданского права. М.: Статут, 2021. 432 с.
2. Габов А. В. Теория юридического лица в России: генезис и современное состояние. М.: ИЗиСП, 2021. 256 с.
3. Ломакин Д. В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М.: Статут, 2022. 511 с.
4. Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2021. 456 с.
5. Степанов Д. И. Теоретические основы правосубъектности организации. М.: Юстицинформ, 2020. 312 с.

6. Шиткина И. С. Срывание корпоративной вуали в российском праве: современное состояние и тенденции развития // Вестник экономического правосудия РФ. 2024. № 1. С. 45–62.

7. Егорова М. А. Координация экономической деятельности как фактор трансформации правосубъектности // Гражданское право. 2022. № 3. С. 110–118.

8. Андреев В. К. Динамика правосубъектности юридического лица // Журнал российского права. 2023. № 5. С. 34–41.

